

Михаил
СЕРЕГИН

**Убойные
РЕБЯТА**

Вольный стрелок

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Вольный стрелок

Михаил Серегин
Убойные ребята

«Научная книга»

2002

Серегин М. Г.

Убойные ребята / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
2002 — (Вольный стрелок)

Жизнь помотала двух боевых друзей Володю Свиридова и Афоню Фокина. Так помотала, что пришлось им стать профессиональными киллерами. И получили задание босса – убрать авторитета по кличке Боцман, лидера довольно крупной преступной группировки. И когда они добрались до своей жертвы, оказалось, что место Боцмана уже занял другой авторитет – Китаец. Вот незадача – на Китайца-то у них заказа не было! Но все дело в том, что бандит хорошо осведомлен об их прибытии. Так что теперь им надо не заказ исполнять, а спасти свои жизни. Ну что ж, повоевать они всегда готовы...

Содержание

Пролог с асфиксией	5
Первая часть, курьезная: Таких не берут в супермены	10
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил СЕРЕГИН

УБОЙНЫЕ РЕБЯТА

Пролог с асфиксией

Лучи нескольких настенных ламп собрались щупальцами в круг и больно лезли в глаза. Боль была тупая, назойливая, словно кто-то давил пальцами на глазные яблоки. Человек закрыл глаза, но и это нисколько не помогало. Голова нещадно кружилась. Человек произнес несколько слов и привычно не узнал своего голоса:

– Опя-ать... наверно, скоро крикну.

Он открыл глаза и мутно уставился в свое отражение в огромном, от пола до потолка, чуть затемненном трюмо напротив. Зеркало скрадывало болезненную, с желтизной, бледность одутловатого лица, тяжелые коричневатые круги под припухлыми глазами, но оно не могло скрыть ни отвисших небритых щек, ни складок на жирной шее, ни вертикальных морщин, прорезавших лоб. Угрюмой, нездоровой оцепенелости всех черт оно тоже скрыть не могло... В инвалидной коляске развалиной Колизея дотлеvalo громадное, расслабленное, как выжатая губка, тело.

– Да, – сказали толстые губы, – неча на зеркало пенять, коли рожа крива.

Напротив паралитика в глубоком черном кресле возникло движение, приглушенное кашляние, а потом свет выхватил лицо. На лице прорезалась белозубая усмешка, и человек в черном костюме сказал:

– Да, хреновые дела. Ничего не скажешь.

– А ты, кажется, удачно этими делами пользуешься, – хрипло сказал паралитик. Складки на его шее зашевелились, словно проснулась свернувшаяся кольцами змея. – Не дождался еще, как я схохну, а уже начал ворочать всем. Словно тебе вручили «смотрящего». Не забывайся, а то, знаешь ли, – я болен и слаб, а ты здоров и нагл, но бывает так, что и деды переживают своих внуков.

– Я же тебе не внук.

Толстые губы сардонически искривились:

– Еще чего не хватало – такой внук! Тем более что у меня и детей-то нет. Не полагается.

– Да хорош тебе по понятиям-то прокатываться, а! – выговорил нахал в черном костюме. – Сейчас это, как говорится, не актуально. Так, что ли?

– Вот, умных слов уже набрался. Еще бы тебе умных мыслей, и совсем бы стал неплох. За умными мыслями обычно должны следовать продуманные дела, а у тебя с этим в напряг...

– Ой, Вадимыч, не надо! Стал ты моралистом на старости лет! Раньше ты не очень-то морализировал, когда «спортсменов» кромсал!

– Ты про Голубя с братом говоришь? Они заслужили. Сам не хуже меня знаешь. И вообще... не мне перед тобой отчитываться! – Паралитик с трудом поднял руку, погладил подбородок и глубоко вздохнул. Живот заколыхался; паралитик давно уже сидел неподвижно, а живот все еще продолжал колыхаться, как отдельно живущий и кем-то потревоженный организм. Толстые губы выговорили: – И еще вот что: капнули тут про тебя, что ты, брат, выстроил себе трехэтажную виллу, да еще прикупил домик в Майами. Откуда деньги, дорогой?

– Да я, знаешь, не...

– ...не бедный человек, хочешь ты сказать? Да, ты не бедный. Это мне все известно. Но только все твои банковские счета мне известны. Их ты не трогал. Новых не открывал, по крайней мере у меня такой расклад. Если по-другому, это значит – играешь, значит – таишься. Ну так откуда деньги, корешок?

Человек в черном костюме снова начал кашлять. Паралитик сидел, опустив опухшие веки на глаза: ему было больно. Но ответа он ждал терпеливо и словно бы равнодушно. Секунда проходила за секундой, ответа не было. Но паралитик прекрасно знал, что его собеседник не посмеет промолчать. Так и произошло. Кашель прекратился, и зазвучали негромкие, вкрадчивые, с кошачьими интонациями, слова:

– Ты, наверно, получил не тот расклад. Совсем другая тут тема, понимаешь?

– Вот ты мне и объясни.

– Получены новые дотации из Москвы, которые перераспределены согласно договору. Наклевывается несколько бизнес-проектов, которые мы будем курировать, и, таким образом...

– Ты мне тут словами не вилай, как потаскуха задницей. Говори просто и по делу. Я человек простой, так что свои мудреные словечки ты мне не клеивай, как парашнику очкастому.

– Ну хорошо. – Человек в черном костюме поднялся и стал вышагивать по комнате. Паралитик хотел сказать ему, чтобы он не метался, как ошпаренная кошка, но говорить было тяжело. – Хорошо, я объясню. Я сделал займ в банке. В «Далькредит-банке», мы в нем хороший пай имеем и скоро получим контрольный пакет. Впрочем, тебе это и так известно. Я занял деньги на строительство виллы. В конце концов, я заслужил. Обидно, когда мальчишка-беспредельщик, дятел, цуцик гнилой, вчерашний васек, начинает рассекать на джипаре, таскать телок в конуру-новье за сто «тонн» гринов и вести базар, как будто он Дато Ташкентский. Бабло паленое, кровавое. А когда я, заслуженный человек, хотя с твоими заслугами перед братвой мне, конечно, не сравниться, но все равно... когда я строю себе дом за городом, вот это почему-то вызывает вопросы.

Он замолчал и, видно, подумав, что убедил своего хозяина, занял прежнее место в кресле. Паралитик тоже молчал, но его изжелта-бледное лицо начало багроветь. Тяжелые вислые щеки задергались. Человек в черном костюме, увидев эти не шибко благоприятные признаки, снова выскочил из кресла, как черт из табакерки, и открыл было рот, но тут паралитик, подавшись вперед, рявкнул:

– Да что ты мне тут втираешь, чмо? Кредит в банке, кредит он взял! Ты кому тут будешь таким порожняком греметь, падла? Ты, блоха узкоглазая? Ты бабам будешь яйцами звенеть, а мне тут не мудозвонствуй! «Банк». Знаю я, какой это банк!

– Да я...

– Вобщак ты руку запустил!! – загремел паралитик, подаваясь вперед. Это стоило ему страшных усилий, потому что одутловатое лицо залилось краской и стало красно-кирпичным. На лбу натужно вздулись две иссиня-багровые вены. – Вобщак – вот откуда ты кусок оттяпал жирный!! А ты знаешь ли, сука, что делают с теми, кто запускает лапу в общак? По закону с такими разговор короткий: отрезают уши и выкалывают глаза, а если совсем конкретно обделался, то еще и опускают! Понятно тебе, чмо?

Он почти без сил откинулся назад и кривящимися губами, полушепотом добавил:

– Если через три дня не вернешь вдвойне все, что хапнул, – пеняй на себя, крыса! У меня крысятничество не прокатит, въезжаешь в поляну, нет?

– Да, – с трудом ответил тот. – Верну. В срок.

– Вдвойне, понял?

– Понял...

– Сдашь дела, – приказал паралитик в спину уже выходящей из комнаты «крысе». – Сам понимаешь, кому сдавать... да? Кайдану сдашь.

Ноги, став ватными – по жилам предательски раскатилось расслабляющее, парализующее тепло, – подогнулись, он едва совладал с ними. Человек в черном костюме не поверил своим ушам. А потом пришлось поверить, потому что паралитик повторил свое распоряжение громче и отчетливее. Человек в черном костюме смотрел на застывшую перед ним огромную рыхлую фигуру в инвалидном кресле. Смотрел, не мигая. Он знал, он прекрасно понимал, что

означает эта короткая, как контрольный выстрел в голову, фраза: «Сдашь дела...» – а кому, это уже и не особенно важно. Сдать дела означало самому сунуть голову в петлю. Внезапно проснулась злоба. И что, эта рыхлая туша напротив, в кресле, в самом деле думает, что он, как зомби, покорно сунет свою голову в эту петлю? Принесет себя в жертву этим устаревшим давно «понятиям», по которым живет вот этот жирный полубезграмотный уголовник, возмнивший себя богом и царем города, да и всего края? Да никогда! Это глупо, глупо, и он не какой-нибудь малолетний «бык» из лагеря, где воры воспитывают себе смену – где эти лагеря, под Хабаровском, что ли, где-то в тайге? Нет!

– Ты меня понял? Иди!

– Хорошо, – пробормотал человек в черном костюме и вдруг широко шагнул к креслу паралитика. Мутно дернулись опухшие нездоровые веки, в него уперся немигающий взгляд хозяина. Хозяина? Да почему же! Разве это он, вот эта жирная немощная туша, вот уже целый год держит контроль над Владивостоком? Разве он ведет эту громадную, страшную, опасную работу, требующую постоянной отдачи, дикого напряжения, стальных нервов, совершенной расчетливости и бессердечия? Да нет, вовсе нет! Эта туша давно уже не способна ни на что, кроме как жрать за десятерых, тупо ходить под себя и отдавать вздорные распоряжения, да еще слепо верить, что это самодурство будет проведено в жизнь точно и беспрекословно. Слепо подчиняться!! Нет... рано или поздно ЭТО должно случиться, и пусть это произойдет сейчас. А если он выйдет из этой комнаты, то очень скоро этот черный костюм от «Vigioni» сменится на похоронный смокинг и лаковые туфли на картонной подошве!

– Ты еще здесь? – глухо спросил паралитик. – Я же сказал, чтобы ты...

– Чтобы я!.. – перебил его тот. – Я-я! – прохрипел он с ганноверским акцентом и, выбросив перед собой две смуглые руки с клешневатыми кистями, вцепился в горло паралитика, затянутое жировыми складками. Под его пальцами перекатился ком, громадная туша захрипела, широко раскрыв глаза и выстрелив в убийцу мутным и ошеломленным взглядом... а человек в черном костюме, напрягая все силы, стискивал пальцы и выжимал жизнь из этого ненавистного жирного горла, из этого громадного, тошнотными запахами пропитанного тела. Никакой парфюм, никакие гели, кремы и дезодоранты не могли устранить эти запахи, застоявшиеся, тошнотворные запахи наполовину умершего уже тела.

Паралитик закричать не мог, только какой-то клекот вылетел из его перекошенных судорогой слюнявых губ. В громадном рыхлом теле еще таилась сила, и паралитик сумел оторвать от себя убийцу и оттолкнуть, отшвырнуть его к трюму. Зеркало, казалось, пошло волнами, как будто бросили камень в вечерние воды, а потом, рассадившись на длинные кривые кинжалы, рухнуло на пол звенящей стеклянной грудой. Одним из осколков поранило предплечье человека в черном костюме, он вскочил, схватил кусок стекла, не замечая, что режет себя пальцы, но потом отшвырнул зеркальный обломок и снова вцепился в паралитика, жадно хватаящего посиневшими губами воздух.

Сопротивляться у больного уже не оставалось сил. Все силы он вложил в тот бросок, что отшвырнул человека в черном костюме к зеркалу. Теперь он только дергался, приобняв убийцу за талию, словно партнершу в танце. Тот свирепо оскалил зубы, что есть силы вгоняя стальные пальцы в рыхлую и уже почти мертвую плоть.

Наконец паралитик затих. Его лицо приобрело зеленоватый оттенок, мятая складчатая шея со красными отпечатками пальцев убийцы покрылась мелкими бисеринками пота. Из угла рта тянулась ниточка слюны.

Убийца некоторое время смотрел на него, склонив голову на правое плечо. Потом он переложил ее на левое плечо, прямо как попугай в клетке. Вынул носовой платок и стал промакивать порезанные пальцы. Из поврежденного предплечья шла кровь. Она уже пропитала рукав пиджака. Костюм был испорчен безнадежно, а ведь он был привезен из Милана на прошлой неделе. Проклятый урка! Даже сдохнуть не может, чтобы не причинять другим непри-

ятностей! Вот его предшественник, некий Компот, спокойно умер себе в сизо, зеркал не бил и не членовредительствовал. Инфаркт – и как, милое дело. А этому сам бог велел подохнуть, как говорили раньше, от апоплексического удара. Но пришлось самому его удавить.

Убийца подошел к столу и по селекторной связи негромко проговорил:

– Федор Николаевич, придите в кабинет Ивана Вадимовича. Срочно.

Федор Николаевич, личный доктор покойного, примчался через минуту. Он дикими глазами взглянул на своего работодателя и выдохнул:

– Мертв?

– Точно так.

– А... зеркало?

– У него случился припадок. Я пытался ему помочь, он оттолкнул меня – и прямо на зеркало. Так что перевяжите меня, Федор Николаевич. Я тут немного руку повредил.

– Немного?.. Закатайте рукав... нет, дайте лучше я. У-у... немного. Это не немного, это хорошенькая такая колото-резаная. В ране не осталось стекла? Так... секунду... – (Человек в испорченном черном костюме негромко вскрикнул от боли, но тотчас же замолчал, кривясь.)

– Ничего страшного. Я пока что наложил вам повязку. Швы вам наложат в больнице, заживет. Все нормально, только нужно дезинфицировать рану. Да что я вам объясняю... правда? А теперь я должен осмотреть Ивана Вадимовича.

– Я уже осмотрел, – странно безучастным тоном отозвался убийца. – Констатировал смерть.

– Вы? А, ну да, все время забываю. Отчего он умер?

– Судя по всему, инфаркт. Вскрытие покажет. Хотя я до вскрытия могу сказать, что он УМЕР – и это главное, и нет смысла удивляться этой смерти или скорбеть. Он же был обречен.

– Да, да, – кивал головой Федор Николаевич, – все это так, но я должен осмотреть...

– Я сказал, что я уже сделал это. А вы мне понадобились для оказания первой помощи, и еще – нужно перенести тело в подвал.

– Почему в подвал?

– Потому что, дорогой мой Федор Николаевич, распоряжаюсь тут теперь я. Понятно?

– Вы заговорили со мной как-то странно.

– А разве с тобой Вадимыч не так разговаривал? Хотя, конечно, не так. Этот старый зычара без матерщины да феньки своей лагерной два слова с трудом... А я человек интеллигентный. Так что ты уж потрудишься, Федор Николаевич, не обсуждать мои распоряжения.

Врач пожал плечами и выговорил:

– Да, конечно... я все понял. Но все-таки... – Он подошел ближе к телу покойного и пристально взглянул в мертвое лицо. А потом взгляд его скользнул чуть ниже, и доктор увидел отпечатки пальцев. Отпечатки уже расплылись и не так отчетливо значились на коже, быть может, не медик и не смог бы определить характер этих пятен на шее паралитика... но Федор Николаевич был медик, причем медик классный, иначе он не попал бы на хлебную должность личного врача Ивана Вадимовича. Он увидел и определил. И по лицу его разлилось смятение. Он повернул к стоявшему неподвижно убийце побледневшее лицо и выговорил, чуть запинаясь:

– Но как же?.. Где же инфаркт? Вы же... конечно, я понимаю... это же типичная смерть от... от асфиксии. От... да вы сами взгляните, тут же совершенно оче-ви...

Доктор не договорил. Увидев очевидное, он не смог предположить не менее очевидного. Того, как отреагирует на его слова человек, которому он только что оказывал первую помощь. А этот человек, наверно, ожидал от Федора Николаевича совсем иного, и уж, конечно, не рассуждений об асфиксии, то есть удушении. Диагноз был ясен и безапелляционен: инфаркт, и нечего было умничать, разглагольствуя об асфиксиях. Человек в черном костюме подобрал с пола длинный и узкий обломок зеркала, обмотал его тупой конец носовым платком, чтобы не

порезаться, – все это на глазах остолбеневшего от ужаса Федора Николаевича, и приблизился к доктору. Тот пролепетал:

– Я буду молчать, я буду... молчать... я никому ни-че-го...

– Конечно, будешь! – перебил его человек в черном и вдруг совершенно неувлимым движением вонзил зеркальный «кинжал» в глаз доктора. Тот даже не дернулся; полоса стекла вошла глубоко, больше чем на половину своей длины, пробив мозг. Доктор Федор Николаевич подался назад и мягко упал на пол.

– Асфиксия... подумаешь, диагност. На моей памяти вообще был случай перистальтической асфиксии. Это когда одному не желавшему платить горе-бизнесмену аккуратно, чтобы не подох, взрезали брюхо, а потом удавили собственными кишками. Хорошо резали, качественно. Япония все-таки рядом... хакакири всякие...

Он вынул из кармана сотовик и набрал номер. Ответил тонкий жалобный голос:

– Аллле-о.

– Здорово. Ты мне нужен. Что голосок такой кислый?

– А-а от меня жена-а ушла-а...

– Умерла, что ли?

– Не на-адо так говорить. У меня нервы-ы. Ушла – это значит ушла.

– Понятно. Вот что. Поднимай свою толстую задницу и катись ко мне.

* * *

ВСЕ ВЫШЕ– И НИЖЕСЛЕДУЮЩИЕ СОБЫТИЯ ПРОИСХОДИЛИ В ОДИН ИЗ ПОСЛЕДНИХ ГОДОВ ПРОШЛОГО СТОЛЕТИЯ, КОГДА ВЛАДИМИР СВИРИДОВ ЕЩЕ ЖИЛ В РОССИИ И РАБОТАЛ НА ИЗВЕСТНОГО ПОВОЛЖСКОГО «АВТОРИТЕТА» МАРКОВА ПО ПРОЗВИЩУ КИТОБОЙ.

Первая часть, курьезная: Таких не берут в супермены

Глава 1

ЗАКАЗ, ИЛИ ПОЛГОДА СПУСТЯ

Влад прицелился и всадил пулю в очастый глаз Лаврентия Павловича Берии.

После этого он отложил в сторону пневматический пистолет и лениво перевернул газетную страницу. Зевнул. Газеты он использовал как хорошее снотворное. Он помнил слова своего покойного родителя, бравого полковника воздушно-десантных войск Антона Сергеевича Свиридова: «Если испортился сон, затверди устав или, еще лучше, прочти передовицу „Правды“. Из многих глупых и очень глупых солдафонских мыслей, высказанных полковником Свиридовым, эта мысль была наименее несносной и наиболее полезной для его старшего сына Владимира. Когда ему не спалось, он открывал прессу и уже через несколько минут засыпал.

Газетная заметка, которую он только что прочитал, сна у него не вызвала. Даже потуг на сон. Статейка была тиснута в примечательной рубрике «Криминальные сводки» и живописала очередную выходку Афанасия Фокина, лучшего, да и, пожалуй, единственного друга Свиридова. Фокин отмечал какой-то праздник и до того набрался, что поехал кататься по городу пьяный на машине, которую купил накануне. Почтенный Афанасий возомнил, что купил кабриолет, и для подтверждения этого мнения извлек из гаражных завалов «болгарку» (режущий инструмент по металлу с абразивным кругом) и, распилив стойки салона, снес крышу. Несчастная «девятка» действительно стала кабриолетом. Это привело Фокина и двух его подружек в восторг, и они решили покататься, на ходу распевая песни и распивая спиртное. Дело было ночью, девицы разделись догола и безобразничали. Чуть ли не на центральной площади города Фокин машину остановил и тут же принялся заниматься с девушками сексом.

Жильцы близлежащих домов вызвали милицию.

Милиция начала гоняться за нарушителями общественного порядка. Менты тоже оказались не совсем трезвы, так что веселье только начиналось. «После длительной погони со стрельбой и нецензурными выражениями с обеих сторон, – пропечатывал газетный борзописец, – нарушители были задержаны. Фокин, будучи мертвецки пьян, заснул за рулем и врезался в рекламный щит с символичной рекламой „Game over“ (против наркотиков). Game Фокина, как выяснилось, в самом деле была over – доигрался. Сам главный нарушитель общественного спокойствия даже не почувствовал удара: он мирно спал на баранке руля. А вот с девушками вышло хуже: одна из них вылетела из новоиспеченного „кабриолета“ и шлепнулась в фонтан, а вторая плюхнулась о бортик упомянутого фонтана.

Особую пикантность описанному безобразию придавало то, что главный виновник «торжества» был священником одной из многочисленных церквей города, а две его спутницы в ночном автошоу – прихожанками данного храма. Фокин подтвердил свой духовный статус, когда его транспортировали в отделение: он проснулся и начал бормотать что-то вроде «седохом и плакохом на реци вавилонския», а потом, с криком «Покайтесь, грешники!» и безбожно при этом икая, попытался выскочить из мчащейся на хорошей скорости патрульной машины. Хотя в том состоянии, в котором находился Фокин, можно было только вывалиться. Что он и сделал.

К счастью, к этому моменту машину успели существенно тормознуть, иначе это кончилось бы печально даже для могучего организма Афанасья Сергеевича. А так он просто вывалился на асфальт, несколько раз перекатился и, замерев наконец в неподвижности, захрапел. И без того намучившиеся стражи правопорядка попинали для профилактики бесчувственное тело

гражданина священнослужителя, но так как это ничего им не давало, с дикими ругательствами поволокли статридцатикилограммовую тушу в машину.

...Отчет обо всем этом безобразии и был помещен в газете. Свиридов скомкал газетный лист и швырнул его в корзину для бумаг. На лету бумажный ком был перехвачен обезьяной со звучным именем Наполеон и мгновенно растерзан в клочья. Свиридов покачал головой и подумал, что, верно, в своей эволюции Афоня Фокин мало чем ушел от вот этого представителя семейства приматов, который сейчас с гыгыканьем носился по комнате, выражая явный восторг от содеянного.

Накануне Фокин ввалился к Свиридову примерно с теми же утробными звуками, что сейчас издавал тезка великого французского императора. Нет надобности говорить, что Афанасий был пьян. Его продержали в милиции около трех суток, хотели оставить на полную катушку, на все пятнадцать, но из уважения к духовенству и лично к митрополиту Саратовскому Феофилу, который приходился непутевому пастырю двоюродным дядюшкой, Фокина отпустили восвояси. Когда его отпускали, дежурный с хитрой усмешкой протянул Афанасию газетный разворот, где была пропечатана вся история с автошоу и голыми девицами. Статейка называлась незамысловато, но крайне язвительно: «Каков поп, таков и приход». Причем под словом «приход» понималась не только паства, но еще и процесс. Кто не знает, в молодежной среде «приход» – это наступление опьянения, как алкогольного, так и наркотического.

После освобождения Фокин пошел к себе домой и там тихо напился и уснул. А с утра, похмелившись, он чуть живой явился к Свиридову, ткнул тому газету куда-то в подмышку, упал на диван и уснул. Спал он уже несколько часов, и его храп уже порядком прискучил Владу. Свиридов пытался заглушить этот храп выстрелами из пневматического пистолета, из которого он упражнялся по тараканам, мухам и прочей живности, но толку выходило мало. Тут не «воздушка» требовалась. Да, кстати. Пневматический пистолет был не единственной игрушкой в доме Свиридова, но остальные стреляли слишком громко и могли привлечь внимание соседей. Каждый человек в жизни собирает свою коллекцию. У одного это коллекция марок или компакт-дисков, второй коллекционирует жен или подруг, третий – скажем, венерические заболевания, четвертый... ну, и так далее. Влад Свиридов – по роду деятельности – коллекционировал оружие. Коллекция огнестрельного оружия Влада Свиридова насчитывала около двух десятков единиц и в денежном эквиваленте, верно, представляла собой целое состояние. Конечно, всегда имелся шанс на то, что хранение на дому подобного уникального арсенала станет достоянием гласности, и тогда им заинтересуются компетентные органы. Именно на этот случай Владимир завел целый гербарий разнокалиберных лицензий, разрешений, дарственных и прочих официальных документов, которые он изыскивал, приобретал или покупал всеми мыслимыми способами. Однажды даже дошло до смешного: он оформил по знакомству фиктивную дарственную на новенький «узи», приобретенный при довольно сомнительных обстоятельствах. А перешел он к нему якобы по наследству как именное оружие дедушки, героя Великой Отечественной войны! «Узи», израильский пистолет-пулемет, от героя ВОВ!

Вообще же стрельба была у Владимира чем-то вроде чесотки, мучительного зуда (как алкоголь у Фокина): пострелял, попортил потолок и стены и на время успокоился, чтобы через некоторое время снова судорожно схватить в руки любимую игрушку. Целями не всегда служили несчастные насекомые. Стены двух комнат были увешаны портретами особо любимых политических деятелей с аккуратно напечатанными принтером концентрическими кругами и жирной точкой в центре. Галерея персоналий была разномастной: от исторических лиц – Ленина, Сталина, Брежнева, до засаленной колоды нынешнего политического бомонда.

Свиридов прицелился и всадил пулю во второй глаз свежераспечатанного интернетного Берии. Грозный нарком внутренних дел с листа формата А4 взирал на Свиридова с явным неодобрением. Влад покрутил пистолет на пальце и бросил в угол дивана. Надоело. Любов-

ницу, что ли, завести... новую. Он подумал, что неплохо было бы прогуляться, как вдруг зазвонил телефон.

Владимир дотянулся до аппарата на журнальном столике.

– Слушаю.

– Марков говорит, – прозвучал в трубке низкий баритон, – давай-ка, подгребай ко мне.

Дело есть.

– Серьезное?

– Да уж мало можно найти дел посерьезнее. В общем, есть заказ.

– Понятно, – сказал Свиридов. – Буду через полчаса. Значит, дело у Китобоя ко мне есть, – положив трубку, резюмировал он вслух. – Это, конечно, занимательно. Особенно если учесть, что, кажется, деньги у меня уже кончаются.

– Вла-ад!!

Свиридов поморщился. Эти трубные звуки свидетельствовали о страшном: о том, что Фокин пробудился.

– Вла-а-ад!!

Свиридов появился в дверях. Страдальческое лицо Афанасия Фокина багровело на подушке.

– Если насчет того, чтобы за пивом сходить, так даже и не думай: не пойду, – объявил Свиридов.

– Да не... я вот что... денег мне займи, а? За... за пивом я тогда уж сам... эта-а...

– Денег нет. То есть немного есть, но я тебе не дам. В гостиной в баре осталось немного рому. Полбутылки. Я его, правда, с горячим чаем пью, но так и быть... похмеляйся, бродяга.

Фокин заметно оживился.

– А ты куда? – спросил он.

– Дела. Пей ром, веди себя культурно и к Наполеону не приставай. Ясно?

* * *

Валерий Леонидович Марков, в определенных кругах известный под звучным именем Китобой, пригладил свои и без того аккуратно уложенные волосы и произнес:

– Ну что ж, Вован, а выходит так, что надо тебе вернуться во Владивосток.

– До того света и то, по-моему, ближе, – с непроницаемым лицом отозвался Свиридов. – А что мне делать-то там, во Владивостоке? Ты что, решил там филиалы налаживать, что ли, Валерий Леонидыч?

– погоди, – прервал его тот. – Наладить там в самом деле кое-что не мешало бы. Только не фили... этот... фили-ал, как ты сказал, а – порядок.

– «Страна наша велика и обильна, а порядка в ней нет», – процитировал Свиридов. – Как было в девятом веке, так до сих пор и осталось.

– Владивосток, как ты правильно сказал, – это у черта на куличках, – продолжал Марков. – И там все по принципу живут: «До бога высоко, до царя далеко». Лапа Москвы, конечно, длинная, но и она не всегда дотуда дотягивается. Потому там тот правит, кто в разборах оттопыристе себя показал. Там еще с тех пор, как Горбатый перестройку заварил, все делалось не так, как у людей. У них во Владивостоке всегда был четкий раздел: воры и спортсмены. Воры – это ты сам понимаешь, законников кодла, «синих», а спортсмены – это из бойцов выходцы, подкованные ребята, раньше в спорте шарились, в боксе там, в борьбе, все такое. Так вот, спортсмены были с ворами в напрягах, определился четкий раздел, где и кто свой кусок пирога имеет, кто кого стрижет. Воров еще года три назад конкретно подпирали, лидеры спортсменов, Голубь-старший, Руслан Резаный и Чех, конкретно работали, в Штатах с Япончиком связались, так что многим из тех, кто по воровским понятиям жить пытался, пришлось мотать из

Владивостока. Есть там такой Боцман. Вор в законе. Его положенец по Узбекистану Дато Ташкентский еще короновал. Этот Боцман как бы крестный воровской братвы. Только когда воров подвигать стали из Владивостока, этот Боцман уехал в Новосибирск, что ли. Сидел, выжидал. Спортсмены между собой грызться начали, да тут еще «пиковые», хачики, стало быть, подпирали. Пошел размен. У спортсменов положили и Чеха, и Руслана Резаного, и Голубя с братом положили. У «пиковых» тоже верхушку повыжгли порядком. Сам знаешь, какие разборки были в те годы. Сейчас, конечно, поутихло все немного, так это только так, для понту. А никуда ничего не делось, просто поуменьли... которые раньше на стрелах друг другу глотки рвали, как шакалы. Шакалы друг другу глотки порвали, не без помощи Боцмана, конечно, а он, Боцман, вернулся во Владивосток, потому как воры снова сильные стали. Боцман у них вроде как третейский судья. Держит воров железной рукой. «Пиковых» на поводке держит, не дает им особо распоясаться. В общем, крестный отец. Боцман, конечно, авторитетный. Общак он держит, группировка его, «дальние», как они себя называют, полгорода под себя подмяла, да что там... говорят, что Боцман и губернатора на коротком поводке держит и вздохнуть не дает. Это он правильно, потому что губернатор ворюга и мусорный мужичишка каких мало. Слили инфо, что Боцман и дотации из Москвы распределяет. Причем так, что никакие комиссии не подкопаются. «Дальние» эти несколько крупных банков держат, через них капиталы и прокачивают. И что ж удивляться, что никаких... этих... субсидий не хватает Приморью, если половина денег прямиком в общак, который Боцман держит, идет. Оно, конечно, Боцман порядок какой-никакой поддерживает. То есть поддерживал. До последнего времени... – Китобой скривился в недоброй усмешке, – вот это-то последнее время... из-за него я тебя и позвал.

– И что же происходит в последнее время?

– А то, что Боцман как будто с ума сошел. И так, поговаривали, у него со здоровьем нелады, все-таки в возрасте уже. А тут вроде как крышу напрочь сорвало. Два года четко пас Приморье, после расстрелов в середине девяностых, когда столько авторитетов в расход пошло, вроде тишина. Даже мусорские сводки покороче стали. Раза в два. А потом ррраз – и снова!! Такое выходит, словно Боцман стал перекраивать свою организацию напрочь. Верхушку перешерстил. Пять авторитетных, из них четыре напрямую в «дальних» ходили, за последние месяцы отстреляли. Убили Макса Карлова...

– Карлова? Это которого погоняло Карл Маркс? – вставил Свиридов.

– Его! А он московский, связи налаживал. Убили двух конкретных типов из «дальних» – Горецкого, который «Приморрыбпром» держал, потом этого, Филина... Силантьев который. Нашли в собственной квартире, – Китобой заглянул в лежащий перед ним ежедневник, – Парнова. Этот Парнов финансами занимался, два банка контролировал лично. Председатель совета директоров... в общем, ведал денежными потоками. Понимаешь? А свято место пусто не бывает, сам знаешь. Одно тепленькое местечко освобождается, за него уже несколько кандидатов грызутся. И – смута, непонятки, кровища. Владивосток на ушах. «Лаврушники» наглеют. «Пиковые», стало быть. За последнее время эти нерусские поперли как на дрожжах. Не только наши чурки, доморощенные – армяшки там, грузины, азеры, «чичики», узбеки разные с таджиками. Цыгане еще. Этого добра и у нас хватает. Так ведь не только чеченцы с азерами наглеют. Узкоглазые борзыми стали... азиатчина. Корейцы, китайцы. С последними вообще беда. Они все рынки под себя подминают, прямо как у нас «пиковые». Таджики и узбеки наркоту качают. Армяне золотом торгуют нераздельно.

– Такое впечатление, как будто при нормальном контроле Боцмана всего этого не было – наркоты, нелегального оборота драгметаллов, прочих прелестей теневого бизнеса, – сказал Свиридов.

– Было-то оно, конечно, было! Но каждый знал свое место. Русские распределяли. Узкоглазых бдительно опекали «дальние», и лишнего centa не давали забрать, стригли по самое не могу. А сейчас грызня пошла. Взбаламутили. Японцы зашевелились. Японцам сейчас китайцы

наших телок по дешевке на рынок кидают. Проституток. Короче, в Москве посоветались и решили, что Боцмана с близкими убирать надо.

– Какими такими близкими? Ты же, конечно, не семью его в виду имеешь. Если он вор в законе понятийный, то семьи иметь не может.

– Да нет у него никого. А в близких у него бегают некто Китаец – кликуха у него такая. Так через этого Китайца Боцман и стал работать. Сам-то стар. А Китайцу он доверяет полностью. Вот, может, муть от этого Китайца и идет. В столице уже кумекали, впрочем. Невыгодно Москве, что на Дальнем Востоке такой раздрай. Ор, шум, гам. Да и Карла Маркса убили опять же.

– Москва – понятно. Москве до всего дело есть. А тебе, Валерий Леонидович, какой с этого толк, что ты так озаботился Приморьем и раздраем в стане «дальних»?

Марков хитро закрыл один глаз.

– Так мне же заказали.

– Боцмана и этого... Китайца?

– Ну да. Бабки грандиозные. Всю сумму сразу отвалили. Так что будем стараться.

– Значит, по классической схеме «заказчик – посредник – исполнитель» работаем, – сказал Свиридов. – Посредник, выходит, ты. Исполнитель, раз уж ты меня вызвал и на Дальний Восток посылаешь – я. А заказчик... кто заказчик? – Марков недовольно поморщился. – Только не говори, что мне знать необязательно. Это ты одноразовым будешь говорить, которые не обкатанные. Шлак. А с тобой мы давно уже повязаны, так что, Леонидыч, не темни. Сам знаешь, что меня можно на куски резать, если что, а ничего все равно не добьются, если кому захочется меня с пристрастием поспрашивать.

Марков побарабанил пальцами по столу и ответил:

– Ладно. Половину правды скажу. О второй половине сам догадывайся. Из твоего ведомства Боцманом и Китайцем интересуются. Только они уже не на контору работают, а на частных лиц. Олигархов, проще говоря. А у таких, как у пауков сети, по всей стране ниточки интереса распущены. Невыгодно выпускать из рук такой жирный кус, как Приморье. В общем, вот тебе дискета из Москвы. Тут информация обо всем, что тебе потребуется. Деньги за работу получишь так: половину авансом, половину – как вернешься.

– Крысятничаешь, Валера, – сказал Свиридов. – А какая сумма мне причитается-то?

Марков назвал. Владимир одобрительно кивнул, чуть распустив губы в холодной полуулыбке; и кивнул повторно, когда Марков добавил, что названная сумма – это аванс, то есть половина гонорара, причитающегося Свиридову.

– Вылетишь в Москву, а оттуда самолетом до Хабаровска. Сейчас, быть может, у них все прямые рейсы из Москвы под тщательным наблюдением, так что лучше не светиться.

– Да, по-моему, прямых рейсов Москва – Владивосток вообще нет, – сказал Свиридов. – Хотя, конечно, я могу и ошибаться.

Марков махнул на него рукой:

– Дело опасное, сложное. Тем более что, как мне рассказывали, там городов-то почти нет, только одни леса. Да еще горы. И озера. И рядом Япония, узкоглазые эти кишат, как мошकारа.

Китобой был прав: да, действительно, почти три четверти площади края – леса, леса. Еще горы есть – Сихотэ-Алинь. Озера тоже имеются, наиболее известное из которых – озеро с наркотическим названием Ханка. И, что самое печальное, Китобой совершенно справедливо говорил о большом количестве азиатов в крае, благодаря чему с удручающим постоянством шли толки, что перенаселенный Китай вскоре захочет оттяпать хороший кусок малонаселенной российской территории. Конечно, народу в Приморье живет для таких просторов маловато. При этом поголовье бандитов на душу населения, верно, самое высокое в России. Место командировки в самом деле обрисовано Китобоем в самых мрачных красках, хотя Свиридову

приходилось в свое время бывать на Дальнем Востоке и он был очарован, задавлен красотой тамошних мест.

Китобой пошевелил губами и отрывисто произнес:

– На подготовку уже там, на месте, до месяца может уйти, а то и больше. Как сработаешь. На расходы не скупись. На них тебе дополнительная сумма полагается. Остальное ты сам знаешь лучше меня. Ну... свободен.

Глава 2

ТРАНСПОРТНЫЕ ТРУДНОСТИ

Свиридов был элитным киллером, принимавшим заказы только от одного человека – от Валерия Маркова. Последний предпочитал не светить Свиридова, потому что умный человек раньше времени никогда не раскроет припрятанного на решающий момент козырного туза. Марков имел широкие связи, вплоть до кое-кого в руководстве ФСБ, он контролировал крупнейшую в Поволжье ОПГ, и потому к его услугам прибегали очень серьезные люди. Такие, как те, что заказали Боймана и Китайца.

Свиридов работал с Марковым уже несколько лет. После того как в девяносто третьем был расформирован Особый отдел ГРУ «Капелла», в котором шесть лет на госзаказах работал капитан Свиридов, он оказался, грубо говоря, на улице. Впрочем, долго это продолжаться не могло, потому что в то жестокое время люди с такой высокой квалификацией, как у Свиридова, были востребованы моментально. Достаточно сказать, что Особый отдел «Капелла» под крылом госаппарата занимался выполнением заказов от властных структур. Заказы были вполне определенными: устранение нежелательных фигур, преимущественно криминал-бизнесменов первой волны, а также персон из других малоприятных категорий – несговорчивых политиков, сующих носы не в свое дело журналистов.

И так далее.

После расформирования отдела бывших спецов «Капеллы» привлекли к участию в первой чеченской войне. Среди этих экс-«капелловцев» фигурировали имена Владимира Свиридова и Афанасия Фокина.

Впрочем, Свиридов закончил свою военную карьеру очень скоро, уже в девяносто четвертом, – номинально в связи с ранением – и в середине девяностых вернулся на родину, где из родственников у него остался только брат Илья. Свиридов совершенно искренне полагал, что совершил на своем веку слишком много зла, чтобы продолжать зарабатывать себе на жизнь отточенным долгими годами искусством убивать. Наверно, что-то сдвинулось у него в психике. Он сам так думал. Однако теории хороши... только в теории. Завязать не получилось. Потому что с первых же дней пребывания на родине его угораздило связаться с криминальной группировкой, которую возглавлял некий г-н Марков по прозвищу Китобой. Впрочем, у Свиридова не было иного выхода.

А произошло все так.

По возвращении на родину братья Свиридовы пошли в кафе и по обыкновению перебрали. Хорошо так перебрали. Влад уже толком и не помнит, из-за чего разгорелся сыр-бор. Вроде как из-за девушек, с которыми братья Свиридовы познакомились в кафе. Соседний столик же был утыкан вертящимися и круглыми, как бильярдные шары, бритыми головами. Там сидела братва из числа рядовых «быков» Китобоя. Братки в свойственной им манере, то есть о-очень вежливо, попросили Влада «погонять телок». Слово за слово, и покатила банальная драка, в которой принимали участие с одной стороны Свиридов-старший и Свиридов-младший, а с другой пятеро или шестеро – причем вооруженных! – братков. Окончилась она нокаутом одной из сторон, но не той, что была более многочисленна, как можно было бы предположить.

«Китобойную» команду в полном составе транспортировали по больницам со всеми видами травм и степеней их тяжести. Илья, которому первым же ударом разбили нос, отполз в угол, к двум девушкам, и в дальнейшем вся перепуганная троица только наблюдала, как Свиридов-старший учит парней Китобоя хорошим манерам. А когда бедняги братки закончились и их место занял вызванный барменом наряд милиции, прибежавшей на шум, как водится, с получасовым опозданием, то началось самое веселое. Разгорячившийся и уже прилично под-

шофе Свиридов не одобрил того, что подбежавший страж порядка с воплем вытянул его резиновой дубинкой. В следующую секунду бедняга мент полетел в один угол, а его напарник – в другой.

Третьего же, самого ретивого и даже успевшего вытащить табельный пистолет, чтобы прищучить разошедшегося негодяя, Владимир прямым ударом левой ноги отправил в глубокий нокаут.

Конечно, образ мышления подвыпившего «супермена» понятен: как, несколько жалких бандитов осмелились оскорбить его, элитного офицера спецназа ГРУ, который смотрел в лицо смерти уже тогда, когда эта бритоголовая помесь дворняжки и сбежавшего из зоопарка дурно воспитанного гиббона только еще трусливо шарила по подворотням, воруя авоськи у старушек и колотя перебравших портвейна пьяниц! А тут еще и мусора тянут свои привычные к протоколам руки, чтобы добраться до него, Владимира Свиридова, которого пощадили пули Афгана и огненный шквал Чечни! Безусловно, он был пьян и не прав. И когда его все-таки поймали и посадили в КПЗ, Владимир горько задумался над тем, как порой прихотливо и попросту смешотворно складывается судьба: пройти в буквальном смысле через ад, взять на себя перед богом грех сотни убийств – и сесть в тюрьму за нанесение средней тяжести телесных повреждений и сопротивление правоохранительным органам.

Но его жизненному пути не суждено было заглохнуть на такой нелепой фарсовой ноте. Вскоре его освободили. Хотя цена, которую он за это заплатил, была высокой. Его освободили по ходатайству того самого Валерия Маркова, с чьими ребятами он так ловко разобрался в кафе. Но вовсе не для того, чтобы устроить самосуд и благополучно спровадить его на тот свет. Марков, сам «афганец» и бывший боец армейского спецназа, оказался вовсе не в претензии на Свиридова, наоборот – в личной встрече даже выразил свое восхищение его действиями.

– Сразу видна школа, брат Володя, – Марков тяжело хлопнул его по плечу сильной ручищей и ухмыльнулся во все широкое приветливое лицо. Бандита Валерий Леонидович напомнил чрезвычайно мало и по внешности, и по манерам, и по выговору. – Спецназ?

– Спецназ, – сквозь зубы ответил Свиридов.

– В Чечне был?

– Проездом.

– Юморист. А в Афгане был?

– И там.

– Что, и в Афгане? – обрадовался Марков. – Ну, тогда совсем родной. За что ж ты так моих дуболомов-то?

– Вот за это самое. А если хочешь поподробнее, спроси у них самих, если там кто уже очухался.

– Да мне с ними неинтересно разговаривать, я наперед знаю, что они лепетать будут. А вот с тобой интересно. – Китобой посмотрел на Влада тяжелым испытующим взглядом и потер пальцами виски. – Ты серьезно влип, Владимир. Я могу тебя отмазать, но в наше время ничего не делается даром. Услуга за услугу.

– Мне в самом деле нет никакого интереса протирать нары, Китобой, – незамедлительно отозвался Свиридов, – что же ты хочешь?

...Марков хотел, можно сказать, совсем немногого. А именно – убить одного замечательного государственного деятеля. Совмещающего работу в городской мэрии и активный – и весьма сомнительный, а порой попросту противозаконный бизнес. До недавних пор он Маркову покровительствовал, а теперь на волне набирающей ход президентской кампании решил реализовать кое-какие свои амбиции. И союз с откровенным криминалитетом стал ему невыгоден, этот господин решил избавиться от недавних партнеров. Марков решил начать ответные военные действия, но два покушения на ренегата провалились. Именно в этот момент под

руку подвернулся явно не дилетант в науке убивать Владимир Свиридов. И такова была теперь плата за его свободу.

Он расплатился.

* * *

– У меня два месяца свободных. Я с тобой, – внушительно сказал Фокин. Он вообще выглядел необычайно внушительно и впечатляюще, когда был трезв. Его баритон рокотал на полную, повелительно ввинчивая в ушные раковины Свиридова: «с тобой, с тобой, с тобой!»

– Ты хоть знаешь, что я туда не крабов ловить еду? – мрачно отозвался Владимир.

– Да уж догадываюсь.

– Тебе своих собственных проблем мало?

– Мне всегда всего мало. А дело тебе серьезное поручили, я по тебе чувствую. Я же тебя уже не пять и не десять лет знаю, от меня не зашифруешься. Я тебе помогу.

– Да не нужна мне твоя помощь! Я тебе не государственная богадельня для немощных старушек, чтобы помощь принимать.

– Да старушке я и не предложил бы. Старушки у нас, Володя, сталинской закалки. Недавно ехал в автобусе... права-то у меня на год отобрали, а хотели на три, – Афанасий Фокин поморщился, – там две такие реликтовые карги ехали, охали и на здоровье жаловались. А как выходить им надо, так у каждой по пять тюков нарисовалось, и так они, старухи эти, поперли, что едва мне позвоночник, – Афанасий похлопал себя по мощной спине, – не сломали. А ты говоришь – старушки! Старушки эти еще нас с тобой переживут.

– Ладно, Афоня, не бубни, – с досадой перебил его Свиридов, – я тебе слово, ты мне – десять. Балаболишь без передыху. Куда ты со мной собрался? Во Владивосток? Так я еще еду на неопределенный срок. К тому же, знаешь ли, есть много такого, чего я тебе просто не хочу говорить. Из соображений твоей же безопасности.

– «Из соображений, из соображений»! – передразнил его Фокин. – Ты бы лучше на троих так соображал, как сейчас мне тут вчехляешь! По крайней мере, готовишься ты серьезно! К тому же я что-то не припомню, чтобы ты перед отъездом просматривал документы на квартиру. Завещание свое, что ли, проверял? Чтобы квартира не пропала и Илюхе досталась, если что? Так она, хата, к нему и так автоматически перейдет. А вот твои заморочки...

– Подсмотрел, сукин сын, – мягко прервал его Свиридов, а потом заговорил сухо и отрывисто: – Вот что, Афоня. Я только что смотрел материалы по делу, которое мне поручено. Бабло за него обломилось хорошее. Если все выгорит, можно закатиться куда угодно, на любой курорт и шиковать по полной программе. А если не выгорит, то все равно, похоронят меня пышно... в любом случае в роскоши останусь, если, конечно, труп найдут.

– А что это ты, трупом, что ли, становишься собрался? – хмуро осведомился Фокин. – Не рановато ли? А что дело опасное, так я сразу понял. Ты у меня не доктор Ватсон, тебе подробно объяснять не надо, сам все понимаешь лучше меня. Так что едем. Ты сам знаешь, лучшего помощника, чем я, тебе не найти.

– Если не будешь пить, – буркнул Владимир.

– Хорошо-хорошо, договорились, – отозвался Фокин. – Кстати, я уже купил билет до Москвы на тот же рейс. А на какое число у тебя забронировано место до Хабаровска?..

Свиридов тяжело вздохнул и вышел из комнаты. Он знал, что представляет собой Фокин во время длительных авиаперелетов, но тем не менее прекрасно создавал, что в случае каких-то осложнений Афанасий незаменим. В этом Владимир убеждался не раз и не два. И еще... смутная тревога клубилась там, где должен был вырисоваться уже мало-мальски ясный и осмысленный план действий. Он привык верить своей интуиции, за многие годы доведенной до состо-

яния некоего шестого чувства, порой такого же ясного и однозначного, как зрение, обоняние и слух.

Хотя и на самое хитрое зрение, и на самый изощренный слух найдется такая милая вещь, как, скажем, галлюцинации...

Он заглянул в комнату и увидел, как Фокин наливает себе в бокал коньяка.

– Я же просил, чтобы ты попрдержался с бухлом!

– Ты не разменивайся на мелочи, – невозмутимо ответил тот. – Что ты там надумал? Мы едем или ты будешь донимать меня своими увертками и требовать сдать билет? – Он посмотрел на Свиридова сквозь стакан с самым таинственным видом. – Ну?

Владимир не смог удержаться от короткого смешка при виде этой лукавой бородатой физиономии:

– Ну хорошо, хорошо. Можешь радоваться и продолжать паясничать. Только ты должен пообещать мне, Афанасий, что по приезде ты будешь слушаться каждого моего слова. Я думаю, что тебе, отставному капитану спецназа внешней разведки, пусть даже несколько опустившемуся и подспившемуся, – Фокин презрительно фыркнул и понюхал коньяк, – не надо объяснять, что такое дисциплина. Потому что эти пьяные выходки здесь стоили тебе трое неполных суток в отделении, а там могут стоять жизни! Понятно? И перестань пить! Ты уже и так сегодня с утра...

– Значит, едем?

– Едем, черт побери!

– Ну, собственно, это и следовало доказать! «Перестань пить»! Вот за это и выпьем. На посошок, как говорится. Ты не смотри на меня, как солдат на вошь, а бери стакан, сейчас я тебе плесну.

Свиридов знал, что тут спорить с Афанасием бесполезно, и полез в бар...

* * *

Самолет Москва – Хабаровск летел полупустой. Наверно, мало было желающих из праздного любопытства лететь на другой край географии, да еще платить за эту круглую сумму. А тех, кто летел не из праздного любопытства, а по иным соображениям, набралось едва ли человек двадцать. Из этих двадцати самым шумным, разумеется, был Фокин, который приставал к тощей стюардессе, разносившей минеральную воду, половину этой воды выпил, а вторую половину употребил в качестве заправки для водки, купленной в аэропорту. Лететь было долго и мучительно, потому Фокин проявил предусмотрительность и купил не одну бутылку, а целых три. Свиридов косился на него подозрительно, а потом отнял одну из бутылок под тем предлогом, что хочет выпить сам. Уж кто-кто, а Влад прекрасно знал, что такое Афанасий Сергеевич Фокин после полутора литров водки. Тут и до авиакатастрофы недалеко.

Водку Влад, разумеется, пить не стал, а вылил в туалет.

Самолет прилетел в Хабаровск почти в полдень. Город встретил их изнуряющей жарой. В стоялом воздухе плыло блеклое марево, высоко в небе жарилось, как громадная яичница-глазунья бога, жестокое дальневосточное солнце. Воздушные ворота Хабаровска по сравнению с бурлящим, как растревоженный муравейник, огромным московским аэропортом показались Владу не воротами, а какой-то калиточкой. Что показалось гражданину Фокину, неизвестно, по той простой причине, что он был тихо пьян.

Свиридов недовольно покосился на него и сказал:

– Вот что, дорогой господин Фокин. До Владивостока нам еще километров с тысячу, по Транссибу трястись неохота...

– Транс-си-бу?..

– Транссиб – местная железная дорога. Вас с Марковым словно один и тот же учитель географии учил, да и тот редкостный болван. Так вот, по Транссибу тебя волоочь не вижу смысла, долго это, муторно и буфет рядом. Лучше купить подержанную японскую или корейскую тачку, они тут должны по бросовым ценам идти, и докатиться самостоятельно. Тем более что я на такой случай и водительские права имею.

И Влад показательно зашелестел купюрами в кармане. Фокин же только трубил носом, этим, очевидно, выражая полное согласие с товарищем.

Машина была куплена немедленно, при этом продавец, разбитной армянин с усато-носовой физиономией, похожий на Фрунзика Мкртчяна, суетился, расхваливал свой товар, а про проданную Свиридову довольно потрепанную старенькую «Хонду» заявил, что на ней ездил на воскресные пикники сам премьер-министр Японии со всей семьей. Фокин хохотал ему в лицо и объявил, что, наверно, на этой машине будущего премьер-министра везли из роддома лет этак пятьдесят назад, а потом на радостях подарили машину ушлому дедушке армянина. Тем не менее он во всеуслышание заявлял, что надо машину брать, что не хера ее особенно осматривать и, по крайней мере, до Владивостока она дотянет, а дальше и не нужно. При этом он тыкал пальцем в двигатель и говорил, что такого дерьма не видел даже его покойный родитель, который полжизни провел на Дальнем Востоке и погиб тут же, на Даманском.

Одним словом, Фокин мешался как мог. Он даже успевал болтать со вторым армянином, который крутился за спиной у Свиридова. Этого последнего Афанасий заподозрил в попытке свистнуть у Свиридова деньги. «Это тебе слишком жирно будет, черножопый, столько!..» – грозно объявил Фокин. Второй армянин был точной копией первого в том, что он точно так же улыбался и никак не реагировал на грубости.

Свиридов же сказал с милой, чуть досадливой улыбкой, что если машина не доедет до Владивостока, то он, Владимир, не поленится вернуться в Хабаровск и собственноручно снабдить армянина сертификатом качества. Тот ответно показывал зубы в длинной липкой улыбке и говорил с ужасающим акцентом, что такая машина не то что до Владивостока, а и до Токио доедет, до самого премьер-министра.

По всей видимости, армянин тоже не был силен в географии.

Первая половина путешествия была превосходна. Свиридов рассчитывал доехать до Владивостока к вечеру и потому гнал машину под сто сорок, хотя, быть может, не стоило так напрягать купленный по сходной цене рыдван. Хотя бы из чувства элементарного здравого смысла. Но у Свиридова в отношении чувства здравого смысла, верно, были какие-то свои соображения, потому его нисколько не трогали шумы в движке и стук в карбюраторе. Он рассчитывал, что одр проедет всю дорогу без эксцессов.

Прогноз его оказался верен не до конца. По Хабаровскому краю машина прошла без сучка без задоринки, половину километража по территории уже Приморья тоже отмотала достаточно прытко... а вот когда до Владивостока оставалось примерно километров двести пятьдесят, двигатель крякнул, послышался угрожающий скрежет, машину рвануло, Влад машинально нажал на тормоза. Машину развернуло и выкинуло на встречную полосу. Мирно дремавший на заднем сиденье Фокин стукнулся головой о спинку переднего кресла и взвыл, прикусив язык.

Свиридов вылез из машины и открыл капот. Из внутренностей несчастного «японца» валил дым. Владимир попытался было разобраться в неполадке, но вскоре убедился, что «больной» совершенно неизлечим. Что означало: они все-таки влипли в историю с географией. Со всех сторон, куда ни глянь, виднелась бурая в вызревающих сумерках щетина леса. Ветер раскачивал верхушки деревьев, и, по всей видимости, Владу и Афанасию предстояло стать свидетелями дальневосточной грозы. Небо пучило. Его пересекали пятнистые полосы туч. Свиридов выругался, а Фокин только мутно потарачился по сторонам и теперь снова норовил прикорнуть и захрапеть. Свиридов вытащил его из салона:

– Вставай, алкаш. Приехали. Давай убирать машину со встречной полосы, а то нас тут переедут без зазрения совести, а что останется, сожрут медведи, то есть тигры. Хотя их, наверно, всех перестреляли давно.

Машину откатали. Сели в салон и молчали. Мысли посещали мутные, тяжелые, упорно не переваривались в какое-то доступное и осуществимое решение. Что касается Фокина, то его, кажется, мысли и вовсе не тревожили.

Свиридов вынул карту края. Насколько он мог определить, до Владивостока на их пути лежал еще один мало-мальски крупный город – Уссурийск, километрах в пятидесяти. Но добираться до него пешком смысла не имело. Ночевать следовало здесь, в машине, иного выхода не было. Что касалось попутных машин, то таковые, верно, водились тут еще реже упомянутых Свиридовым уссурийских тигров. По крайней мере, за полчаса, прошедшие с момента безвременной кончины японского рыдвана, ни одного авто в направлении Уссурийска не проследовало.

– Да, кислое дело, – сказал Владимир.

Фокин открыл глаза. По стеклу ударили первые капли дождя. Фокин потянулся и отозвался:

– К тому же еще и мокрое. В смысле дождя.

Дождь припустил во весь опор. По стеклам змеились мутные ручейки, порывы ветра раскачивали машину, и Свиридов боялся, что ее того и гляди сорвет с ручного тормоза и отправит куда-нибудь в кювет. В кювете в связи с непогодой быстро образовалась широкая полоса жирной непролазной грязи. Полоса отделяла трассу от леса, и Влад поежился, подумав, что, верно, хорошо он поступил, что не стал покупать мотоцикл с коляской, как советовал раздухарившийся Фокин, говоривший, что по такой жаре нужно прокатиться с ветерком всю тысячу километров. По жаре... Мотоцикл хоть и «Ямаха», но от дождя не спас бы совершенно точно!

– Машина... – прохрипел Фокин. – Влад, едет кто-то, тормози!

Владимир выскочил из салона на дождь. В самом деле, к ним приближались огни следующей к Уссурийску машины. Влад даже разглядел, что это красная «Хендэй Соната», он машинально отложил в памяти номер, стыдливо прикрытый разводами грязи, и поднял руку...

Вжжжх!!.

Машина пролетела мимо, не только не снизив скорости, но даже и прибавив. Увесистая водяная плюха ударила Свиридова в лицо, он закашлялся, наглотавшись мутной дождевой воды; окатило его с ног до головы, рубашка тотчас же прилипла к телу, джинсы изменили цвет со светло-серого на живописно-бурый, с клиновидными черными фрагментами – туда попала особо интенсивная грязь. Свиридов крутнулся на месте и врезал по фаре своей злополучной «Хонды» так, что стекло не выдержало удара и лопнуло.

Фокин беззвучно хохотал, сидя в сухом и теплом салоне. Владимир злобно оглядел свою безнадежно испорченную белую рубашку и, рванув ее так, что посыпались пуговицы, швырнул в машину. Фокин бормотал сквозь смех:

– Да ладно тебе, Влад! Таньки грязи не боятся!

– Пожрать бы, – буркнул Свиридов, садясь обратно в салон.

– Да, не помешало бы.

Свиридов растер по коже воду и выговорил:

– Ну, не думал, что в нынешней России найдется место, где можно сидеть голодным, мокрым, злым, без ночлега...

– Без бабы, без выпивки, – в алфавитном порядке подсказал Фокин.

– ...без бабы и без бани, это при том, что в кармане куча баксов, да и родные пиломатериалы, то есть дензнаки, имеются, – замысловато закончил Владимир.

Фокин лег на бок и заявил чуть заплетающимся языком:

– А по мне – так хорошо. Все эти гостиницы да бабы глупые, которые идиотский базар оттопыривают, а потом из-за них неприятности нарисовываются... надоело! Ты, знаешь ли, должен ощутить единение с природой. Понимаешь? Я, честно говоря, рад, что последний раз я видел автозаправочную точку на этой дороге – ну, километров пятьдесят назад! Едешь, и как будто нет вокруг никого, кроме тебя и леса... единение с природой, понимаешь?

– Афоня, на твою точку зрения можно встать только после литра водки.

– Погоди... кажется, еще кто-то едет. Влад, выйди, тормозни, тебе все равно терять нечего.

– Терять действительно нечего, – отозвался Свиридов, подозрительно косясь в сторону барсетки, где хранилась вся его наличность. – Только приобретать: простуду, простатит...

– Ладно, пойду сам тормозну, – прорычал Фокин.

Он вывалился на дорогу и, широко расставив руки, встал посреди нее, словно хотел обнять приближающуюся машину. При этом Афанасий пританцовывал и кричал «торрр-мози!». Его действия увенчались полным, хотя и сомнительным успехом. Полным – это потому, что машина, которую он нацеливался обнять, действительно притормозила и свернула на обочину к «Хонде», в которой уныло сидел мокрый Свиридов; сомнительным – поскольку машина оказалась патрульной, ДПС, и, по всей видимости, управлялась не совсем трезвым субъектом. Этот субъект, длинный мент в косо сидящей, как собака на заборе, фуражке, вышел из машины, а за ним, ежась, вышел второй, зябко передергивая плечами и прикладываясь к фляжке, в которой наверняка плескалась не минеральная вода.

Фокин развалил свое широкое лицо в длинной кривой улыбке и пожаловался на жизнь:

– Заглохли, лейтенант. Вот, понимаешь, не повезло. Только сегодня в вашу сторону подались, как тут же и влетели в геморрой.

Длинный лейтенант снял фуражку, поскреб пальцами «ежик» и, нахлобучив форменный головной убор обратно, только козырьком назад, сказал протяжным, чуть ли не жалобным голосом:

– Загло-охли?

– Ну да. Колымага хренова! – Фокин пнул колесо.

– Трос е-есть?

– Да, кажись, нет. Влад, есть у нас трос?

– Если удавиться, то это и веревки хватит, – донесся из «Хонды» мрачный ответ. – Нету троса. – Свиридов потянулся из салона на утихающий уже дождь, сощуренными глазами пристально глядя на дальневосточных ментов.

– Ка-арпов, трос да-ай!

– Сейчас, Ле-ня... товарищ лейтенант.

Карпов потоптался на месте, но трос нашел. «Хонду» прицепили к патрульной, лейтенант Леня окинул взглядом Свиридова и Фокина и сказал:

– Паленую тачку в Хабаровске купили, что-о ли?

– Ну да, – весело ответил Фокин. Свиридов не поддержал его веселья. Лейтенант тоже вел себя более чем сдержанно: он несколько раз сплюнул сквозь зубы, потом сказал:

– Не повезло-о, значит. Хрено-овая тачка. Ну ничего, разберемся. Поехали.

– Куда, в Уссурийск?

– А чего ж так далеко-о? – отозвался тот. – К нам, в Кармановский УВД, поедем. Наш майор разберется.

Пока ехали до упомянутого лейтенантом Кармановского УВД, заметно просветлело. Нет, солнце не пошло вспять, хотя Свиридов и Фокин уже ждали от Приморья чего угодно. Просто кончился дождь, тучи быстро рассеялись, и на небо выкатил мутный еще серпик луны. Серые, как прикроватная пыль, сумерки скрыли от Влада и Афанасия приземистое двухэтажное здание, вынырнувшее на них с обочины шоссе. Кармановский УВД был расположен на

самом краю городка с мелкоуголовным названием Карманово. Возле кирпичной коробки УВД торчало несколько машин ППС-ДПС – верно, масштабы городка не позволяли разграничивать дорожных и общеупотребительных ментов. Лейтенант Леня остановил машину возле приземистого двухэтажного здания и, выйдя из машины, кивнул Свиридову и Фокину:

– С документами на выход – пжа-алста.

– Стоп! – выговорил Свиридов. – Наверно, я чего-то не понял. Если поломка машины – это у вас в Приморье наказуемое деяние, тогда оно, конечно, так, но все-таки, товарищ лейтенант, вы бы лучше отогнали нашу машину куда-нибудь в ремонт, что ли. Если у вас тут есть.

– Да чего ее чинить, – перебил его Фокин, – все равно этой консервной банке кранты. Тут у вас гостиница есть... переночевать где есть, лейтенант... как тебя – Леня, да, лейтенант?

Тот спокойно выслушал нравоучения Свиридова и фамильярности Фокина, а потом повторил:

– С документами на выход – пжа-алста. Сейчас майор, Иван Филипыч, разберется. Надо проверить.

– Пойдем, Афоня, – сказал Свиридов, – кажется, у них тут плановая проверка. На вот тебе, лейтенант, за помощь. – Он протянул ему десять долларов, но тот даже не обозначил ответного движения, чтобы взять деньги:

– Потом.

Свиридов не понял этого «потом». Их провели коридором и усадили рядом с дежурным, который ожесточенно играл в тетрис на постовом компьютере. Каков был дежурный – пузатенький, лысеющий, беспрестанно смахивающий с шеи пот, – таков был и компьютер, которому было далеко и до первого «пенька». То есть до компьютера с процессором «Интел-Пентиум I». Фокин и Свиридов переминались возле стены, с нетерпением ожидая, на ком же можно будет сорвать весь накопившийся за день негатив.

Наконец их проводили в кабинет. Из-за стола поднялся высокий грузный майор милиции, с желтым лицом и выпуклыми водянистыми светло-голубыми глазами. Эти глаза он свирепо пучил на парочку из европейской России.

– Вот что, майор, – с места в карьер напористо заговорил Свиридов, – честно говоря, хотелось бы объяснить тупость ваших подчиненных большой отдаленностью от центров цивилизации, но как-то не получается. Я не понимаю, какого черта нас маринуют в этой вашей богадельне уже чуть ли не полчаса. Ваш лейтенант Леня, конечно, помог добраться нам до вашего... гм...

– Ну, не так уж и далеко мы, как вы выразились, от центров цивилизации, – сказал майор. – Карманово находится недалеко от Уссурийска, Уссурийск недалеко от Владивостока, а Владивосток – это, как говорится, – окно в Японию. Да и Карманово... знаете, как называют у нас Карманово? Я понимаю, что вы не знаете и знать особо не желаете, но я все-таки вам скажу. «Мегаполис карманного типа» – называют. Это как поселок городского типа, только вот как. Остроумно, а?

– Я как-то слабо перевариваю дальневосточный юмор, – сказал Свиридов кисло. – А еще я крабов ваших терпеть не могу. «Мегаполис карманного типа». Но мы-то что в этом мегаполисе делаем уже вторые полчаса, если у меня никаких дел и никаких родственников – даже о-о-очень дальних – тут нет? Вы ответите, герр майор? Или у вас весь этот чудный «мегаполис» в кармане со всеми причиндалами и вы сами себе ответчик и судья?

«Чушь говорю, – тут же отметил про себя Свиридов. – Все-таки вывели из себя, да и неудивительно».

– И совершенно не обязательно шутить. Я сам люблю хорошую шутку, но вам сейчас не надо. Вы купили вашу машину в Хабаровске?

– Совершенно правильно.

– И все документы на нее есть?

– Да ради бога, – сказал Свиридов, роясь в барсетке. – Минуту... вот документы, майор. Посмотрите, и если там что-то не так, то я с удовольствием вернусь в Хабаровск и завяжу усы этого армяшки бантиком на его еще более длинном носу. Тем более подсунул он мне страшную рухлядь, которая даже до вашего, – он усмехнулся, – до вашего «мегаполиса» не дотянула.

Майор не особо усердствовал в просмотривании документов. Он только скользнул по ним небрежным взглядом поверх очков, а потом очки снял, засунул их поглубже в ящик своего стола и проговорил:

– Дело в том, что купленная вами, по крайней мере, вы утверждаете, что купили ее... машина – она числится в угоне. Принадлежит она некоему Аветисяну.

– В угоне? Идиотизм какой-то! Наверно, как раз этот-то Аветисян мне ее и продал!

– Документы у вас, можно сказать, в порядке, а можно сказать, что и нет. Все зависит от того, как на них посмотреть. Под каким углом, – сказал майор. – То, что машина в угоне числится, ничего хорошего не добавляет ко всему этому. Так что, мой дорогой автовладелец...

– Я так понимаю, что ваша фраза насчет того, как и под каким углом посмотреть на документы, такая... вполне прозрачная, – произнес Свиридов медленно. – Да. Вот что, майор, какой угол вас больше интересует: прямой, тупой... в смысле – девяносто, сто, двести градусов в долларовом эквиваленте?

– Вы, из Москвы, наглые все, – сказал майор и встал. – Думаете, что нас тут всех так легко купить! Вот что... мы уже связались с автоладельцем, и он едет сюда и если опознает свою машину, то ничего хорошего лично для вас не обещаю.

– Ваша милиция укомплектовывается одними неподкупными Робеспьерами, что ли? – уже теряя хладнокровие, бросил Свиридов. Рядом с ним сдвинутой с места монолитной глыбой шевельнулся Фокин и, наполняя кабинет парами спиртного, произнес:

– Что-то не нравятся мне местные мусорки. Может, ну их, Володька! Разберем по кирпичику их коровник, а? А этого майора немножко подучим хорошим манерам. У них тут что с этикетками – вся водка из китайского спирта! – что с этикетом проблематично. Мало того, что нам продали какой-то коптильник, который крикнул чуть ли не через сто метров от места продажи, так еще и впаривают какой-то гниляк по поводу того, что мы этот коптильник угнали! В розыске! Откуда мы знали, что он в розыске? Разве за это привлекают? Идиотизм какой-то! Да даже если бы мы были угонщиками, какой смысл держать нас тут до приезда хозяина машины, да даже если машина в угоне, что, ее владелец знает угонщиков в лицо? Пусть машина останется, пусть он, этот автовладелец, опознает ее до полного опупения! А мы поедem, у нас есть дела во Владивостоке!

– Ты еще скажи, какие именно, болтун! – сквозь зубы процедил Свиридов. – Майор, кончай этот детский сад. Не канифоль мозг. Если у тебя не хватает на памперсы детишкам, я тебе дам. Давно уже понятно, что если по российским дорогам еще проедешь, то российские дураки тормознут тем вернее.

Дряблый подбородок майора заиграл. Мутные глазки раскрылись и сверкнули:

– Да вы, ребята, я смотрю, нездешние! В смысле, как с луны свалились. Поучить бы...

– Я тебе поучу! – выходя из себя, гаркнул Фокин. – Не с чмом разговариваешь! Попридержи базар, а то я не посмотрю, что ты в мундир залез!

Майор произнес понизившимся голосом, как ему самому показалось – зловеще:

– Ладно. Так, значит. Завтра утром, когда приедет Аветисян, заговорите по-иному. Дежурный, этих пока что в «обезьянник»! До утра.

– Э, майор... – начал было Фокин, но Свиридов, который опасался, что нетрезвый Афанасий снова ляпнет лишнее, вцепился ему в запястье и сам препроводил его в плохо освещенное зарешеченное помещение «обезьянника». Фокин хотел было что-то говорить, но Свиридов цыкнул на него, и Афанасий Сергеевич наконец утихомирился. Перспектива ночевать в мили-

ции больше не возмущала его. Тем более что лучше ночевать под крышей, хоть и на жесткой лавке, чем в раскачивающейся под ветром и заливаемой ночным дождем старой машине.

Свиридов же долго не мог заснуть. Смутная, немотивируемая тревога, тлевшая в нем еще при подготовке к дальней командировке, разрасталась. Нет, не этот пухлый майор, нет, не нетрезвый лейтенант Леня, и даже не носато-усатый армянин, который, может быть, и являлся автовладельцем Аветисяном, обратившимся в милицию по поводу якобы угнанной машины, – не они конкретно тревожили его. Нет, что-то гораздо менее осязаемое, менее определенное – словно чье-то назойливое, еле уловимое прикосновение, чье-то неотступное внимание, ведущее его по дороге Хабаровск – Владивосток, как выслеживают дичь. А может, все началось и раньше. Гораздо раньше.

Он не стал перебирать в мозгу перипетии этого длинного дня. Он перевернулся на узкой лавке и заснул. Ему снилась черная, обвитая трещинами дорога, на которую просачивается из близлежащих деревьев рев тигров. Тигры почему-то щеголяли в милицейских фуражках, а потом под ноги попала колдобина, Свиридов упал, в лицо упругим тигриным прыжком кинулся трещиноватый асфальт, и стало больно. Последнее, что он успел запомнить, была красная машина с заляпанным номером, на дикой скорости пролетевшая мимо него и обжегшая холодом щеку.

Он открыл глаза и обнаружил, что упал с лавки и лежит на боку – неловко подтянутый локоть, боль в бедре – и с прижатой к холодному мокрому полу щекой.

Глава 3

ПОШЛАЯ, КАК ЖИЗНЬ, ИСТОРИЯ

Юля припарковала свой красный «Хендэй Соната» у трехэтажного белого здания, которое было ей хорошо знакомо. Она раза два или три останавливалась здесь на постой. Гостиница была не ахти, не чета владивостокским, новосибирским и особенно московским. Тремя этими городами и исчерпывался список больших населенных пунктов, в которых приходилось бывать Юле. Она давно хотела попутешествовать за рубежом, средства позволяли, но не позволяли, так сказать, спонсоры. Хотя нет, слово «спонсор» перестало быть актуальным года как два уже; сейчас богатые папики предпочитали камуфлироваться более обтекаемыми словами типа «меценат», «компаньон» и даже «друг детства». Заменяя этим упомянутое слово «спонсор», в народном понятии едва ли не эквивалентное слову «сутенер». Нет, скорее нечто среднее между «сутенером» и «ворюгой», только очень крутым и потому еще более ненавистным. Юлины «меценаты» и «компаньоны» объединились в одном лице – в бугристом и скуластом лице Вадима Орехова по прозвищу Грек. Этот Грек в свое время прославился тем, что среди бела дня на площади расстрелял чеченского авторитета Казбека с пятью сподвижниками. Разумеется, не в одиночку. Прокурор города, который с покровителями Грека еженедельно выезжал на пикники, едва ли не в прямом эфире назвал того, кто убил кавказцев, благодетелем всего Приморья. Греку ничего не было, хотя имя убийцы знали чуть ли не все.

Юля называла это дальневосточным синдромом. Это когда очевидное преступление остается безнаказанным, потому как закон что дышло – куда повернешь, то и вышло. Ведь это особенно удачно выходило в Приморье, которое ближе к Токио, Сеулу и Пекину, чем к столице собственной страны. Дальневосточный синдром БЕЗНАКАЗАННОСТИ. Юля давно знала, что в Приморье как нигде в России власть срослась с бандитизмом. Знала – то есть не по красивым словам, а по собственному опыту и из собственной жизни вынесенным урокам поняла.

Она вошла в вестибюль гостиницы и даже бровью не повела, когда торчащий за стойкой рослый молодец выпучил на нее глаза, как будто увидел голливудскую знаменитость. Юля давно свыклась с тем, что она красива, и порой ослепительно красива, и эта привычка давно превратила восхищение и комплименты со стороны других людей в обыденность, скучную и утомительную. Она ненавидела, когда мужчина начинал делать ей комплименты. Юля всегда ждала, что это вот-вот выплеснется в явную грубость и необузданность. Потому она спокойно оборвала служителя гостиницы, когда он попытался преподнести ей коряво слепленный комплимент, и небрежно подала ему двумя пальцами свой паспорт.

– Строгина Юлия Павловна, – прочитал тот. – Что, в самом деле строгая?

– В самом деле, – отозвалась она. – Давайте ключ, я хочу спать.

– Проводить вас...

– ...до номера, до кровати, до ручки? Не стоит. Я как-нибудь сама.

Юля была зла. Это было тем более странно, что назавтра ей предстояла веселая встреча со старыми друзьями, которые наметили пышный пикничок и, быть может, уже прибыли на условленное место. Дождь им не помеха. Они же возьмут ящичка два водки, на меньшем не сойдутся. Юля была тем более зла, что не понимала причин своего отвратительного настроения. Да, ей предстояла очередная опасная работа. Но ведь давно прошли те времена, когда чувство нарастающей опасности было острым, как лезвие бритвы. Все притупляет время – и режущую кромку ножа, и обжигающий холод снега на коже; и пучеглазый страх, тарашающийся на тебя из каждого угла, из-за каждого куста, тоже подвластен этому всемогущему времени.

Юля прошла в номер и, не раздеваясь и не зажигая света, бросилась на кровать.

– Наверно, скоро сдохну, – сказала она громко и сама испугалась своих слов, потому что тотчас же вскочила, зажгла свет и начала смотреть на свое отражение в слегка покосившемся

зеркале. Оттуда на нее несколько тревожно взирала эффектная женщина лет двадцати трех, со стильной прической и притененно-бледным лицом с тонкими чертами. Широко расставленные глубокие глаза, точеный носик, чуть приоткрытые губы, за которыми видна перламутровая полоска ровных зубов. Юля приняла нарочито томное выражение лица, а потом резко перешла к мине глупой малолетней кокетки, собирающейся залучить к себе в гости ухажера из 8 «Б». Что характерно, то и другое вышло на заглядение, и она рассмеялась несколько истерично. Что-что, а играть она умела. Учили. Учителя были хорошие.

Юля была дочерью врача-хирурга. Отец, Павел Кимович, воспитывал ее один, мать умерла, когда девочке было года три или около того. Юля была единственной дочерью, и потому недостатка ни в чем не испытывала. Павел Кимович всегда хорошо зарабатывал, несмотря на то, что являлся носителем не самой денежной в России профессии: врач. При коммунистах он хорошо получал как заведующий хирургическим отделением в областной больнице, делал тонкие операции, которые, кроме него, во Владивостоке делали еще два или три человека. Затем он удачно вписался в волну реформ и перешел на работу в платную клинику. Где стал зарабатывать еще более неплохо. Были даже случаи, когда «новые русские», покалечившиеся в результате разборок, презентовали хирургу приличные суммы в валюте, от которых он, разумеется, никогда не отказывался. Сам Павел Кимович был неприхотлив в быту, он вполне удовлетворялся своим подержанным «Москвичом», дачкой плюс пять соток, смотрел старенький «Рекорд», да и то одни новости. Подрастающая Юля заставила его в корне изменить взгляды на жизнь. Юля не понимала, зачем складировать баксы в сундуке, если можно купить столько необходимых современному человеку вещей. Так были куплены новая машина, бытовая и видеотехника, компьютер, обставлена и отремонтирована квартира. Естественно, Юля вытребовывала у папы модные шмотки, косметику и все такое. Правда, Павел Кимович ее не распускал и злоупотреблять не позволял. То же было в отношении Юлиных знакомств с парнями: папа не неволил, но и из-под контроля не выпускал. Всегда знал, с кем общается его дочь, думал: «Что ж, выйдет замуж за хорошего человека, и мне, и ей лучше будет». Под аккомпанемент этих расслабленно-бытовушных мыслей Павел Кимович как-то раз пришел с работы, с ночного дежурства, раньше, чем следовало, и обнаружил дома занимательную картину: Юля лежит спиной на столе, совершенно голая, закинув ноги на плечи к совершенно незнакомому Павлу Кимовичу молодому человеку. Молодой человек был одет солиднее, чем Юля – на нем были майка и правый носок.

Юля ничуть не смутилась приходом отца. Она сказала:

– Папа, только не сердись. Ты же знаешь, что рано или поздно так должно было произойти. Ты же сам говорил, что мы должны быть друг с другом честны. Я совершенно с тобой откровенна. Это Дима, я его люблю. Он будет моим мужем.

Павел Кимович, как медик, был человеком широких взглядов. Он только спросил у дочкиного избранника Димы за ужином (после того, как молодая парочка счастливо закончила начатое, уже имея за стенкой неприятно удивленного родителя):

– Вы как... расписываться будете или, как сейчас у молодежи модно, так поживете?

– Как модно, – беспечно ответил тот.

Павел Кимович не спорил, Юля была счастлива. Дима был из хорошей, известной в городе семьи, очень приличной и достаточно состоятельной. Павел Кимович разговаривал с отцом Димы, тот был максимально сдержан, но в целом поддержал решение сына жить с дочерью Павла Кимовича. Юля также разговаривала с отцом Димы, и ей показалось, что тот, хоть и говорит максимально доброжелательно, что-то постоянно недоговаривает и все время смотрит в сторону. Как оказалось, для таких недомолвок имелись основания. Достаточно серьезные основания.

Поначалу Юля действительно была счастлива. Она поступила на первый курс Дальневосточного университета, родители Димы и Юли скинулись на свадебный круиз. Жили у Юли

– в распоряжении Павла Кимовича была трехкомнатная квартира, – а со временем рассчитывали обзавестись собственной жилплощадью. Юля была в восторге от Димы, он казался ей красивым, остроумным, элегантным, рискованным. Он ничего не боялся. Он сказал, что это у них семейное, что его старший брат Вадим воевал в Афганистане и имеет боевые награды. И это была совершенная правда. Правда, Юля никогда до того не видела Диминого рискованного брата, но она твердо знала: все-все правда. И про награды, и про рискованность.

Рискованность и сыграла с Димой и Юлей страшную шутку. Дима предложил на пробу «вмазаться», как он выразился, героином. Мода, поветрие, а во Владивостоке с этим никогда не было проблем. Только потом он сказал, что «проба» на самом деле давно не была первым его опытом. Что было дальше, Юля не любила вспоминать. Она подседала на героин, иногда баловала себя кокаином, который Дима именовал «кокосом», а однажды поймала себя на мысли, что все карманные деньги, выдаваемые ей отцом, она тратит на наркотики. А если не сама, так у нее стреляет Дима. К тому же, между делом, она открыла для себя, что ее собираются выгнать из университета. Павел Кимович тоже, кажется, заподозрил неладное, к тому же его до крайности удручало то обстоятельство, что Дима нигде не работал, откровенно валял дурака, но самым опасным было то, что Павел Кимович четко отследил наметанным хирургическим глазом: первая стадия наркозависимости. А там и вторая, и покатилось.

И Юля слышала от отца жестокие слова:

– Раз у вас, некоторым образом, семья, то извольте себя обеспечивать, а не сидеть на шее у родителей! Ты, Юля, сама выбрала себе человека, я тебя не торопил и не подталкивал. Не обессудь, но жить живите, а денег я больше давать не буду. Не в коня корм, – закончил он.

Ночью у Юли была дикая истерика. Она поняла, что отец в самом деле денег не даст. Раз он сказал, значит, так оно и будет. Она знала и то, чего не знал Павел Кимович: что родители Димы давно не давали ему ни копейки – уж им-то было известно, на что тот их потратит. До сведения Павла Кимовича это не было доведено из чисто эгоистических родительских соображений: а вдруг непутевый сыночек под влиянием свежей, молоденькой девушки изменится, тем более что он, кажется, к ней привязан? Не получилось.

А потом был жуткий разговор с Димой. Дима сказал Юле, что так дальше жить нельзя и что деньги нужно где-то взять. Сначала они продали все Юлины украшения. Потом кое-что из вещей. Но все имеет печальное свойство заканчиваться. В том числе вещи, которые можно продать. Когда они закончились, Юля сама стала такой вещью. Нет, Дима все знал. Более того, он сам устроил Юлю в одно из самых приличных эскорт-контор в городе. Как позже она узнала, это старший брат Димы помог. Наверно, к тому времени у нее настолько сбилась планка, что она с покорным равнодушием приняла то, о чем помыслить даже не могла совсем недавно. Но, к счастью, Юля в эскорте проработала недолго. Неделю. Когда их привезли на очередной заказ в баню, то среди почтенных сорокалетних мужчин в простынях, которые вызвали себе девочек позабавиться, она увидела... собственного отца. Павла Кимовича. Если даже затуманенную наркотой Юлю эта встреча, что называется, «пробила», то легко представить, какое смятение он испытал, когда увидел свою дочь среди пяти выдернутых на выбор проституток. Он же не мог сказать своим коллегам, что это его дочь! Конечно, ее выбрали, еще бы – остальные были только фоном для Юли. Выбрали ее и еще одну девушку, и несколько минут спустя Павел Кимович с багровым лицом глотал водку, как воду, и стекленеющим глазом наблюдал, как его же друзья и коллеги, прекрасные люди, трахают его единственную дочь! Он хотел сказать, что не смейте, что нельзя так, что это ведь Юля, но что-то раз за разом прищипливало его язык к небу. Сначала он думал, что это трусость. Злился, ненавидел себя и еще больше – дочь. Потом, когда Юля вспоминала, что ведь и она тоже смотрела в сторону неподвижного отца за столом, обмотанного белоснежной простыней, из которой торчала взлохмаченная голова его с багровым лицом и пылающими ушами – у нее словно переворачивались и колом вставляли

внутренности. Неловкость, доходящая почти до физической боли, а если ее не было, то хотелось причинить ее себе, закусить до крови губу или впиться в кожу длинными ногтями.

Когда им удалось остаться наедине, Юля, завернутая в простыню, отвернулась и что-то тупо жевала. Павел Кимович спросил глухо и отрывисто:

– И как же ты могла, дочь?

Если бы он начал кричать, топтать ногами, пускать пену и пузыри и поливать ее десятиэтажным матом, Юля меньше бы испугалась. К мату и пене она была готова. А не готова она была вот к этим спокойным, даже участливым словам, в которые сложно было вникнуть так глубоко, чтобы понять, какую муку они скрывают. Юлю затрясло:

– Папа, я правда... я не... папа, никогда, никогда!.. Это он, он... он просил, чтобы я... к тому же у нас в последнее время плохо... плохо, он сказал, что нужно привнести новую струю... чтобы слаще... чтобы было...

– С сексом у вас, значит, плохо, – выговорил Павел Кимович, – понятно. Это как же, тебе семнадцать, ему двадцать три, еле-еле сороковник на двоих наскребли, и с сексом плохо? Да, наверно, это я виноват... не надо было подозревать, нужно было принимать меры!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.